

Исторический центр Петербурга – жемчужина мировой архитектуры. Гранитные набережные Невы, дворцы и парки привлекают туристов всего мира. Центр Петербурга внесен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Увы, время беспощадно не только к людям, но и к зданиям. Архитектурные памятники требуют непрерывного ухода, охраны, реставрации и изучения. Необходимо также следить, чтобы современное строительство не разрушало гармонию уникальных архитектурных ансамблей. Всем этим и занимается Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП). В 2005 году его специалисты разработали «Петербургскую стратегию сохранения культурного наследия». Ее девиз: «Сохранение через развитие, развитие через сохранение». С председателем КГИОП Верой Анатольевной Дементьевой беседует наш корреспондент Геннадий Амелченко.

Бережечь и развивать

to protect and develop

St Petersburg's historic city centre is a gem of world architecture. The granite embankments of the Neva, the palaces and parks attract tourists from around the globe. The central part of St Petersburg has been included in UNESCO's World Heritage List. Sadly time is merciless not only to people, but also to buildings. Architectural monuments need constant care, protection, restoration and study. It is vital, too, to ensure that modern construction does not disrupt the harmony of unique architectural ensembles. All of this is the job of the Committee for the State Control, Use and Protection of Architectural and Cultural Monuments (Russian acronym KGIOP). In 2005 its specialists drew up "St Petersburg's Strategy for the Preservation of the Cultural Heritage", the slogan of which is: "Preservation through development, development through preservation". Our correspondent Guennadi Amelchenko talked to the chairwoman of the KGIOP, Vera Anatolyevna Dementyeva.

– Вера Анатольевна, расскажите, пожалуйста, немного об истории КГИОП...

– Комитет по охране памятников – одна из старейших государственных организаций нашего города. Он появился в 1918 году. До этого были организации с похожими функциями, но они не решали, как это делает КГИОП, комплексных задач. Существовала, например, археологическая комиссия. Она следила за сохранностью памятников, внесенных в соответствующий реестр. Были музеи, которые решали на государственном уровне вопросы, как реставрировать и сохранять уникальные сооружения.

Vera Anatolyevna, please say a little about the history of the KGIOP.

The Committee for the Preservation of Monuments is one of the oldest state institutions in the city. It appeared in 1918. Prior to that there were organizations with similar functions, but they did not tackle complex tasks as the KGIOP does. There was the Archaeological Commission, for example. It monitored the state of preservation of monuments included in a specific register. There were museums that decided at a state level such issues as the restoration and conservation of unique edifices.

In other words, the Soviet authorities did not come up with anything new when they created your institution?

It all began long before that! After all, restoration work was already being done in Renaissance Italy. In the sixteenth century, if not earlier. Of course in those days there could be no such thing as a strict scientific approach to restoration. It was only in the nineteenth century that the body of scholar-

— Значит, создавая ваше учреждение, советская власть ничего нового не придумала?

— Все началось задолго до тех дней! Ведь реставрацией занимались еще в эпоху Ренессанса в Италии. В XVI веке, если не раньше. Конечно, в те времена строгого научного подхода к реставрации не могло быть. Только в XIX веке появилась научная база, необходимая для нашей работы. А в прошлом году КГИОП отмечал своеобразный юбилей своего существования — две восьмерки, 88 лет.

— Итак, с 1918 года ваша организация работает в непрерывном режиме? Но за это время в стране произошло столько перемен. Они не могли не отразиться на вашей деятельности.

— Даже в блокаду инспекция по охране памятников не прекращала работу. В те тяжелые дни сотрудники проявляли подлинный героизм — тогда в нашей организации их числилось всего сорок человек. Они вели учет разрушений, участвовали в разборке завалов, следили за сохранностью ценных элементов зданий и интерьеров.

— Кто же работал в блокаду? Ведь практически всех мужчин забирало на фронт...

— В основном это были женщины. К 1942 году численность сотрудников увеличилась до ста двадцати за счет прибывавших с фронта раненых, которые еще могли работать. Но были и потери: война унесла жизни сорока человек.

В то время организация называлась ГИОП — Государственная инспекция по

ly information necessary for our work was formed. And last year the KGIOP celebrated a round date of sorts — two eights, our 88th anniversary.

So, your organization has been working continuously since 1918? But there have been so many changes in the country over that time. They must have affected your organization.

Even during the siege the inspectorate for the preservation of monuments kept working. In those difficult days its staff displayed true heroism. At that time there were only 40 people on the staff. They recorded the destruction, took part in the sorting of rubble and kept an eye on valuable elements of buildings and interiors to ensure their security.

Who did the work during the siege? Because almost all the male population had been sent to the front.

Mainly they were women. By 1942 staff numbers had increased to 120 due to

Ленинградцы слушают сообщение о начале войны. Фотография 1941 года.
News of the outbreak of war reaches Leningrad. 1941 photograph.

Медный всадник был тщательно укрыт от артиллерийских обстрелов и налетов немецкой авиации.
The Bronze Horseman was carefully protected from German shelling and air-raids.

Снаряд попал в здание Малого зала филармонии на Невском проспекте, 30.

A shell hit the building at 30, Nevsky Prospekt that contains the Small Hall of the Philharmonia.

На фотографии 1941 года — защитное сооружение для памятника Николаю I на Исаакиевской площади, проект которого представлен на чертеже (ниже).

This photograph from 1941 shows the structure built to protect the monument to Nicholas I on St Isaac's Square. The original design is shown below.

Слева. Разрушенный дом Адамини. Фотография 1943 года.
Внизу. Маскировка здания Смольного. Фотография 1941 года.
Left. The ruins of the Adamini house. 1943 photograph.
Below. The Smolny building under camouflage. 1941 photograph.

wounded people, still capable of working, coming back from the front. But there were losses as well: the war cost the lives of 40 staff members.

Back then the organization was called GIOP — the State Inspectorate for the Preservation of Monuments; the letter K, for “committee”, was added later. The GIOP in its time was considered a militarized structure; the staff were given military ranks. They were responsible for the packing, storage and registration of valuables, besides which there were special tasks, like camouflaging the spires in the city centre. The

Извлечение скульптур из тайника в Египетском вестибюле Большого дворца в Павловске. Фотография 1944 года.

Removing sculptures from a secret hiding place in the Egyptian Vestibule of the Great Palace at Pavlovsk. 1944 photograph.

охране памятников, а буква «К» (Комитет) добавилась позднее. ГИОП был военизированной структурой, работникам присваивали воинские звания. ГИОП отвечал за упаковку, складирование и учет ценностей, а кроме того, были специальные задания, например маскировка шпиль в центре города. Почетный гражданин Санкт-Петербурга и почетный сотрудник КГИОП, опытнейший скалолаз и альпинист Михаил Михайлович Бобров как раз и занимался такими опасными работами.

В послевоенные годы много пришлось потрудиться над ликвидацией разрушений. Именно благодаря этому в городе появились высококлассные специалисты с колоссальным опытом реставрации исторически ценных зданий и уникальных дворцов.

В общем, КГИОП — организация легендарная. А вот последние пятнадцать лет в России были очень тяжелыми для органов охраны памятников. Во многих регионах эти службы ликвидировали: ведь нас часто воспринимают как тормоз на пути прогресса.

— Однако ваша организация продолжает свою работу. И у этой работы есть своя, петербургская специфика...

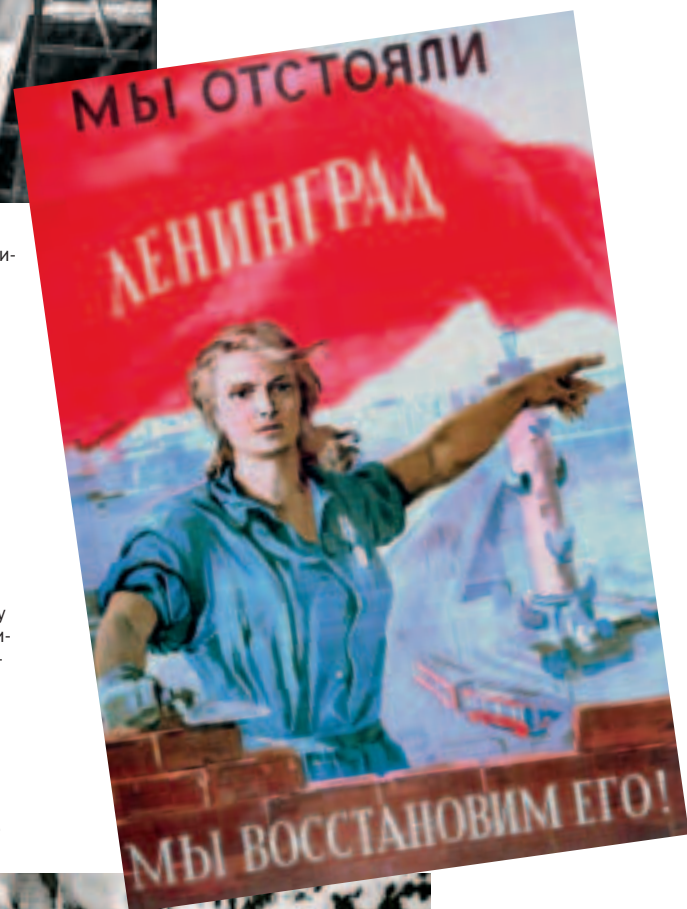
— Да, мы стараемся соблюдать традиции, соответствовать самым высоким культурным и историческим критериям.

Наш город один в своем роде, и это осознает весь мир: недаром под охраной

Обмер в Греческой галерее Гатчинского дворца (справа) и фиксация стеной живописи (внизу). Фотографии 1944 года. Taking measurements in the Grecian Gallery of the Gatchina palace (right) and fixing the wall painting (below). 1944 photograph.

Справа. Плакат Владимира Серова. 1944 год. Right. A poster by Vladimir Serov. 1944.

Внизу. Резчик по дереву Н. Базанов восстанавливает резьбу для Картинного зала в Большом дворце Петергофа.

Below. The woodcarver N. Bazanov recreating a decorative element for the Picture Hall in the Great Palace at Peterhof.

Вверху. Реставрация капителей на колоннах Греческого зала Большого дворца в Павловске. Top. The restoration of the capitals on the columns in the Grecian Hall of the Great Palace at Pavlovsk.

На фотографии 1944 года — фигура Просыпающегося Амура с лестницы Екатерининского дворца в Пушкине, найденная в парке.

Справа. В 1962 году эта скульптура была восстановлена и заняла свое место во дворце.

This 1944 photograph shows the figure of Cupid Waking from the Catherine Palace in Pushkin recovered from the park.

Right. In 1962 the sculpture was restored and returned to its place in the palace.

ЮНЕСКО в Петербурге находятся не конкретные памятники и здания, а все культурное пространство и планировочная структура. А ведь наш город относительно юн — всего каких-то три века. За три века сложилось уникальное городское пространство, и каждый из нас имеет счастье в нем пребывать. Однако для развивающегося мегаполиса, каким стал Санкт-Петербург, вопросы сохранения, охраны памятников при любой политике всегда конфликтны, и поэтому необходимо соблюдать общественное согласие. Горожанин должен знать, что мы теряем, если преобразовываем ту или иную территорию, и что приобретаем. Решения должны быть взвешенными не только потому, что мы живем в этом городе, но и потому, что отвечаем за него перед всем миром. В настоящее время наш город бурно развивается, в этот процесс вкладываются огромные средства. Мы этому, конечно, рады, но проблем возникает немало. Ведь,

investment programmes are not long-term projects. The aim is to maximise income, while the conservation and restoration of monuments requires considerable time, specialist manpower and funds.

Of course, St Petersburg is an unique city. Although other European cities are no less unique — Rome, Paris, London... But those cities are actively evolving; new features appear in their cityscapes. In Paris, for example, they built the Pompidou Centre, installed that glass pyramid in

tection, but the entire cultural space and structural layout. Our city is, after all, relatively young — only just over 300 years old. Over three centuries a superb urban space was formed and each of us has the good fortune to reside in it. But for the developing megalopolis that St Petersburg has become, questions of the conservation and preservation of monuments always give rise to conflict, no matter what the political course, and public consent is vital. The citizens should know what we stand to lose if this or that area is remodelled, and what we will gain. Decisions should be carefully weighed, because not only do we live in this city, we are also responsible for it to the world. Today our city is developing rapidly and enormous sums of money are being invested in that progress. We are naturally pleased about that, but quite a few problems arise. Sadly the majority of construction and

highly experienced rock-climber and mountaineer Mikhail Mikhailovich Bobrov, an Honorary Citizen of St Petersburg and Honorary Worker of the KGIOP, performed just such dangerous work.

In the post-war years a lot had to be done to make good the destruction. The city acquired high-class specialists with colossal experience in the restoration of historically important buildings and unique palaces.

To sum up, the KGIOP is a legendary organization. The last fifteen years in Russia, though, have been very hard for the bodies responsible for the conservation of monuments. In many parts of the country such institutions have been abolished: we are often perceived, you see, as encumbrances on the path of progress.

But your organization continues to function. And there are aspects of your work specific to St Petersburg.

Yes, we try to adhere to tradition, to meet the very highest cultural and historical criteria.

Our city is unique and that is acknowledged worldwide: it's no coincidence that in St Petersburg it is not specific monuments and buildings that are under UNESCO pro-

к сожалению, большинство строительных и инвестиционных программ не являются долгосрочными, рассчитываются на максимальную доходность, а сохранение и реставрация памятников требует значительного времени, специалистов и средств.

— Конечно, Петербург – город уникальный. Хотя не менее уникальны и другие европейские города – Рим, Париж, Лондон... Но они активно развиваются, в их облике появляются новые черты. Вот в Париже построили Центр Помпиду, в Лувре установили стеклянную пирамиду. А у нас в Петербурге? Едва речь заходит о каких-то новых проектах, сразу митинги, протесты...

— Прежде всего, сравнение Петербурга с Парижем или Лондоном не совсем корректно. В этих городах иная структура, иные принципы формирования городского пространства. Петербург закладывался как регулярный город с четкой планировкой. Париж, Лондон – естественные города, имевшие ядро, вокруг которого формировались поселения. Париж ведь потерял свой средневековый образ при реконструкции Османа. Конечно же, бульвары хороши. Французы решили, что пойдут по такому пути... Впрочем, как вы правильно заметили, и Париж, и Лондон активно развиваются, теперь настал и наш черед. Каким быть Санкт-Петербургу в XXI веке, решать всем нам.

— Сейчас много говорят о проекте «Газпром-Сити». И хотя еще никто не знает, что это

такое, мало кто видел представленные проекты, а уже скандалы, маловразумительные публикации в прессе. Почему люди молчали, когда за гостиницей «Санкт-Петербург» начало расти чудовищное здание – жилой комплекс «Монблан»? А новая гостиница на Почтамтской с безобразным куполом? Как такие постройки вообще могли появиться?

— Да, последние пятнадцать лет на наших глазах то здесь, то там выростали, как ядовитые грибы, жилые комплексы. И это потому, что процессы согласования проходили в тиши кабинетов... В нашем законодательстве не работал ни один регламент, в том числе и высотный. Первые шаги в решении этой проблемы сделала администрация Валентины Ивановны Матвиенко – был принят временный высотный регламент. В дальнейшем, разумеется, законодательство будет совершенствоваться, но те «монбланы», что уже построены или строятся сейчас, изменили городские панорамы далеко не в лучшую сторону.

— А остановить это нельзя?

— Как говорится, закон обратной силы не имеет. Формально все было согласовано, инвесторы вложили громадные средства. Люди, которые несут за это ответственность, законов не нарушали, но они поступились своей профессиональной совестью. Радует лишь то, что таких зданий и градостроительных ошибок у нас не так много: пальцев на руках хватит, чтобы пересчитать.

complex – began to rear up behind the St Petersburg Hotel? And what about the new hotel on Pochtamskaya Street with its hideous dome? How could such buildings appear at all?

Yes, in the past fifteen years, before our very eyes residential complexes like the Mont Blanc have sprung up here and there like poison mushrooms. And that happened because the approval processes took place in the quiet of people's offices... In our legislature not a single regulation was passed on building height as well as anything else. The first steps towards resolving this problem were taken by the new administration under Valentina Ivanovna Matviyenko – a temporary height regulation was adopted. In time, of course, legislation will be improved, but the "Monts Blancs" that have already been built or are going up now have changed the city's panoramas for the worse.

Can't it be stopped?

The law, as they say, has no retrospective force. Formally everything was approved; the investors have put in huge sums of money. The people responsible for the situation did not break any laws, but they did set aside their professional consciences. The

В настоящее время в Петербурге под государственной охраной состоит более 5660 памятников истории и культуры федерального и регионального значения и 2193 выявленных объекта культурного наследия.

At the present time over 5,660 historical and cultural monuments of federal and regional significance and 2,193 "identified objects of cultural heritage" are under state protection.

15

Победивший в конкурсе проектов макет административно-делового центра «Газпром-Сити» на выставке в Академии художеств.

The model of the winning competition entry for the design of the Gazprom City administrative and business centre on display at the Academy of Arts.

Дмитрий Кошечев

А печально известный «Монблан» находится за пределами всяких архитектурных концепций. Это просто коробка, единственное достоинство которой – количество квадратных метров и квартир, куда и будут упаковываться человеческие особи. Вы спрашиваете, зачем возводить такое уродство? А вот зачем: самое ценное в этом сооружении – панорама, которая открывается из окон. Она-то и определяет стоимость квадратных метров. Владельцы квартир будут любоваться видом прекрасного города, а остальные...

— Вот и получается, что уродливые «монбланы» продолжают строиться, а башня «Газпром-Сити» вызывает бурю протеста. Одним можно, а другим нет?

— Что касается проекта Газпрома... Никто не запрещает строительство на этой территории, вопрос только в том, что здание высотой 300 метров серьезно изменит панораму города. Но ведь Газпром действует открыто: демонстрирует проекты, приглашает к обсуждению всех горожан. А некоторые люди под маской патриотов города, так называемые защитники наследия, в политических целях ведут спекуляции, и многие из них впрямую имеют отношение к «Монблану», зданию на Почтамтской и прочим сомнительным постройкам... Думаю, что пора Петербургскому Союзу архитекторов поднять завесу над тайнами многих проектов, воплощенные которых разрушает силуэт города.

only positive aspect is that there are not so many of these buildings and town-planning errors: you can count them on your fingers.

We know that your organization keeps a strict watch on restoration projects in the city. Not all of them can be described as successful, of course. But let's talk a bit about those places that do provide examples of good restoration.

One example of good competent restoration is the Sheremetev Mansion on Shpalernaya Street. It springs to my mind immediately because the fate of that building always concerned me deeply. The fire in that unique edifice in the early 1990s came as a real shock to me! I immediately recalled that way back in the '70s, while working in the preservation of monuments, I removed all the valuable paintings from the Sheremetev mansion (that was then the Mayakovsky House of Writers). There was a large collection of paintings in the place, by the way, including those that had come there under Kirov's widow's will (she had acquired a lot of valuable pieces at auction). If you could have seen the conditions those paintings were being kept in! They were stacked up, right next to the central heating radiators...

Безусловно, творческий потенциал нашей архитектурной школы велик, и признание ошибок только поднимет ее авторитет. А вот протестные действия в виде бойкотов по одному объекту и полное молчание по другим – позиция неконструктивная.

— Мы знаем, что ваша организация строго следит за реставрационными работами в городе. Разумеется, не все из них можно назвать удачными. Но давайте поговорим о тех объектах, которые являются примерами хорошей реставрации.

— Пример хорошей, грамотной реставрации – Шереметевский особняк на Шпалерной. Я сразу вспоминаю о нем потому, что судьба этого объекта меня всегда очень волновала. Пожар в этом уникальном здании в начале девяностых был для меня настоящим шоком! Я сразу вспомнила, что в далекие семидесятые годы, работая в охране памятников, я вывезла из Шереметевского особняка (в те времена – Дома писателей им. В. В. Маяковского) всю ценную живопись. Там, кстати, было большое собрание картин, в том числе те, которые туда передали по завещанию вдовы Кирова (много ценного она приобретала на аукционах). Если б вы видели, в каких условиях находились там картины! Сложенные в штабеля, они хранились рядом с батареями центрального отопления... Было понятно, что ценнейшие вещи из этого здания нужно немедленно спасать.

It was clear that the extremely valuable works had to be got out of the building immediately. I was more decisive when young: using my authority, I carried them all out to the car. Afterwards there was a frightful scandal with the Writers' Union and party bodies involved... I transferred some of the items to the Russian Museum and some to the Hermitage. You should have seen the looks on the faces of the Russian Museum staff when I came in there with a Malevich...

Truth be told, Vera Anatolyevna, you deserve a major state award for that...

Back then they couldn't have given me an award, only the sack – after all the Writers' Union took it as an insult. You know, I have a very high regard for writers, I like contemporary literature, but when I hear that the Writers' Union is asking to be given another building, I say, "You've burnt one already, twice moreover!" That is why I have a particular soft spot for the Sheremetev Mansion and for those who ventured the great task of restoring it.

During the rebuilding work our committee took a strict line. We monitored the

14

the Louvre. But what happens here in St Petersburg? Just as soon as any sort of new projects are made public, people immediately start holding meetings and protesting.

First of all, it's not quite right to compare St Petersburg to Paris or London. Other cities have a different structure; different principles for the organization of the urban space. Petersburg was founded as an orderly city with a precise layout. Paris and London are natural cities that had cores around which the settlement gradually formed. Paris, after all, lost its mediaeval character as a result of Haussmann's reconstruction. The boulevards are nice, of course. The French decided they would go down that route... But, as you correctly noted, both Paris and London are actively evolving, now our turn has come too. What St Petersburg will be like in the twenty-first century is something we all need to decide.

There is much talk today about the Gazprom City project. And although no-one knows yet, what it is exactly, few people saw the competition entries, there are already rows and unconvincing articles in the press. Why did people stay silent when that monstrous building – the Mont Blanc residential

В молодости я была решительнее: воспользовавшись своим мандатом, перевезла эти картины в музей. Потом разразился жуткий скандал: и Союз писателей, и партийные органы... Часть предметов я передала в Русский музей, а часть – в Эрмитаж. Видели бы вы лица сотрудников Русского музея, когда я вошла туда с Малевичем...

– Вообще говоря, Вера Анатольевна, вы достойны серьезной государственной награды...

– Ну, тогда меня наградить не могли. Могли только уволить – ведь Союз писателей воспринял это как оскорбление. Знаете, я очень хорошо отношусь к писателям, люблю современную литературу, но, когда слышу, что Союз писателей в очередной раз просит дать им здание, я говорю: «Вы уже сожгли одно, к тому же дважды!» Вот поэтому я отношусь с большой нежностью к Шереметевскому особняку и к тем, кто решился на этот подвиг – реставрацию.

Во время процесса его восстановления наш комитет работал жестко, мы контролировали сохранение аутентичности вну-

треннего убранства – насколько это было возможно после пожаров. И я рада, что этот проект, хотя и с большим трудом, получился блестяще. В то время никто за него не брался. Я считаю, что Александр Иосифович Ебралидзе пошел на немалый риск.

А что касается плохих... Пройдите по центру города и посмотрите на фасады!

– В Москве при реставрации зданий часто стараются сохранить только фасады, интерьеры не восстанавливают и помещения приспособляют к современным требованиям. В Петербурге все-таки стараются сохранить интерьеры, восстановить утраченные элементы убранства зданий... Неужели столь велика разница в работе московских и петербургских реставраторов?

– То, о чем вы говорите, – не реставрация и не метод работы московских реставраторов, это – принцип работы московских инвесторов. В Москве требования к реставрации столь же высоки, как и у нас, но очень часто там не удается реализовать

Белый зал Шереметевского дворца до и после реставрации.
The White Hall of the Sheremetev Palace before and after restoration.

Юрий Молодковец

Юрий Молодковец

preservation of authenticity in the interior decoration, in so far as that was possible after the fires. And I am glad that the project, very difficult though it was, turned out magnificently. Back then nobody would take it on. I believe that Alexander Iosifovich Ebraldidze ran a considerable risk.

And what to the examples of bad restoration... Just have a stroll through the city centre and look at the façades.

When buildings are restored in Moscow, people very often try only to preserve the façades; the interiors are not recreated and the premises are adapted to modern requirements. In Petersburg they do try to preserve the interiors, though, and recreate lost decorative elements. Is there really that much of a difference between the work of Moscow and Petersburg restorers?

What you are talking about is not restoration and not the way that Muscovite restorers work, it's the way Moscow investors operate. In Moscow the requirements regarding restoration are just as strict as with us, but very often it proves impossible to apply them. There is a name

их. В мировой практике у этого явления есть и соответствующее название – «фасадализм». ЮНЕСКО вынесло свой вердикт такому направлению: ничего общего с сохранением культурного наследия оно не имеет. Поэтому Москву очень жалко.

Возможно, нас ждала бы такая судьба, если бы в свое время мы не потеряли статус столицы. Многие у нас сохранились только благодаря тому, что при советской власти Петербург получал гораздо меньше средств, чем Москва. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло... Правда, проблема остается: мы живем рядом с грандиозным культурным насле-

дием, и его надо сохранить во что бы то ни стало. Но законсервировать весь исторический центр города невозможно!

Разумеется, нужно защищать и реставрировать уникальные постройки, но не любое здание, не любой фасад этого достойны. Есть ветхие строения, не представляющие никакой ценности, и есть те, что только портят облик города. В таких местах не только можно, но и нужно реализовывать современные проекты. И самое главное – вопрос меры, культуры преобразований. Но город живет, в городе многое меняется к лучшему. И это радует. ■

Когда материал уже был готов к публикации, произошли два значимых для Санкт-Петербурга события.

Региональная конференция ЮНЕСКО, проведенная в Петербурге, рекомендовала, во-первых, не отменять высотный регламент в историческом центре нашего города, а такие попытки уже есть, и, во-вторых, осторожно подходить к строительству небоскребов в окружающих центр буферных зонах.

Эта же тема возникла 1 февраля на пресс-конференции Президента России. На вопрос, как он относится к строительству башни Газпрома в Санкт-Петербурге, Владимир Путин ответил, что, по его мнению, город должен развиваться, а все решения по его развитию должны приниматься региональной властью.

Труд реставратора кропотлив и долгов. На восстановление утраченных исторических деталей могут уйти годы работы. Restoration work is long and painstaking. It can take years to bring back lost historical details.

Юрий Молодковец

Ромуальд Кириллов

При реставрации Шереметевского дворца был использован богатый опыт ленинградской школы реставраторов и сохранены все исторические интерьеры. The rich experience of the Leningrad school of restoration was invaluable for the revival of the Sheremetev Palace in which all the historical interiors have been preserved.

for this practice which goes on worldwide – “façadism”. UNESCO has given its verdict on this tendency: it has nothing in common with the preservation of our cultural heritage. That’s why I feel very sorry for Moscow.

Perhaps the same fate would have awaited us if we had not lost the status of capital city. Much of what we have survived only because under Soviet rule Petersburg got far less funding than Moscow. Every cloud has a silver lining, as they say... Admittedly, the problem still remains: we live alongside a tremendous cultural legacy that has to be

preserved whatever the cost. It’s impossible, though, to conserve the whole of the city centre! Of course we have to protect and restore unique edifices, but not every building, not every façade deserves that. There are dilapidated structures that are of no intrinsic value, and there are those that spoil the look of the city. In such spots modern projects are not only possible, but necessary. And the most important matter is the question of the scale, the culture of transformations. But the city is alive anyway; much in it is changing for the better. And that is a cause for pleasure. ■